

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: БОЛЬШЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ БЕЗ КОМПЕНСАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

В статье рассматривается вопрос о том, в какой степени образование взрослых может способствовать снижению социального неравенства в России. В частности, мы анализируем структуру участия в образовании взрослых разных групп населения и влияние этого участия на занятость и карьеру, различая при этом формальное образование взрослых на третичном и нетретичном уровне, а также неформальное образование взрослых, проводимое за счет работодателя и без его поддержки. Результаты исследования показывают, что крайне важно различать эти типы образования взрослых для понимания его влияния на социальное неравенство. В целом мы приходим к выводу, что образование взрослых не вносит вклада в снижение социального неравенства, но скорее ведет к его росту. Хотя формальное третичное образование взрослых и неформальное образование за счет работодателя имеют более высокую отдачу на рынке труда, многие находящиеся в неблагоприятном положении индивиды, по сути, не имеют возможности этим воспользоваться, т. к. их шансы принять участие в этих типах образования взрослых сравнительно малы.*

Ключевые слова: *формальное образование взрослых, неформальное образование взрослых, Российский мониторинг экономического положения и здоровья (РМЭЗ), социальное неравенство, исследования жизненного пути, Россия.*

* Высшее образование или среднее профессиональное образование. — Прим. пер.

Юлия Косякова (автор, ответственный за переписку) — доктор социологии, старший научный сотрудник отдела международных сравнений и европейской интеграции, Институт исследований занятости (IAB), Нюрнберг, Германия (yuliya.kosyakova@iab.de)

Yuliya Kosyakova (corresponding author) — Dr. (Sociology), Senior Researcher at the International Comparisons and European Integration department, Institute for Employment Research (IAB), Nuremberg, Germany (yuliya.kosyakova@iab.de)

Йохана Дэмрих — доктор социологии, научный координатор ассоциации Лейбница, Берлин, Германия (daemmrigh@leibniz-gemeinschaft.de)

Johanna Dämmrich — Dr. (Sociology), Scientific Coordinator, Leibniz Association, Berlin, Germany (daemmrigh@leibniz-gemeinschaft.de)

Введение

В контексте исследования *eduLIFE* (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014) образование взрослых в современной России представляет особый интерес, т. к. после распада Советского Союза в 1991 г. одновременно с технологическими изменениями, связанными с глобализацией, и демографическими изменениями (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014; а также статью «Образование взрослых в контексте жизненного пути: международное сравнение» в этом выпуске), в России происходили резкие политические, экономические и социальные изменения. Исторические преобразования привели к быстрой смене профессиональной структуры общества (Sabirianova 2002), исчезновению устаревших профессий и появлению множества новых (Brainerd 1998). Тем не менее, основой системы образования все еще являются давно существующие образовательные организации и образовательные стандарты, не отвечающие требованиям современного рынка труда (Гимпельсон и др. 2010).

В результате этих изменений в России, возможно, уже было недостаточно исходного уровня образования — человеческого капитала, аккумулированного в советский период, — для того, чтобы соответствовать требованиям рынка труда и строить карьеру (Elman, O'Rand 2002), что, вероятно, заставило индивидов даже после выхода на рынок труда участвовать в образовании для взрослых и адаптировать свои знания и навыки (Kristensson Uggla 2008). Следовательно, изучение того, может ли образование взрослых компенсировать социальное неравенство и внести вклад в обеспечение экономического и социального равенства в течение жизненного пути в России, является вопросом первостепенной важности для социологов.

В данной статье приводятся основные результаты главы, посвященной России, опубликованной в сборнике материалов проекта *eduLIFE* (Kosyakova 2014), и следующей статьи на эту тему, возникшей из этого же проекта (Kosyakova et al. 2016). В соответствии с исследовательскими задачами, которые решались на первой стадии проекта *eduLIFE* (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014; а также статью «Образование взрослых...» в этом выпуске), мы анализируем: 1) уровень участия разных групп населения в образовании взрослых в России за последние десять лет, принимая во внимание исходный уровень образования, статус на рынке труда и пол; 2) возможное влияние этого участия на занятость и карьеру. И уровень участия, и его результаты на рынке труда связаны с институциональными условиями, такими как организация системы образования или систе-

ма социального обеспечения (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014; статья «Образование взрослых...» в этом выпуске). Поэтому в построении наших гипотез мы будем учитывать наиболее важные с точки зрения теории институциональные факторы.

Институциональный контекст

Организация образования взрослых

В России есть два основных типа образования взрослых. Первый — формальное образование взрослых, которое включает в себя все формы исходного образования (до выхода на рынок труда), послевузовское профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование. Образование взрослых этого типа связано с довольно высокими альтернативными издержками в виде потери дохода, денежных затрат (например, оплаты обучения, стоимости книг) и ограничений, связанных с относительно длительным сроком обучения, требующимся для получения официального диплома. Более того, формальное образование взрослых может быть получено как на уровне третичного, так и нетретичного образования. Так как получение первого третичного образования является бесплатным для определенной части студентов, эти бесплатные места будут, вероятно, зарезервированы для студентов обычного возраста. Следовательно, большая часть третичного образования для взрослых доступна только на платной основе (Khokhlova et al. 2013). С другой стороны, доступ к государственному среднему образованию не ограничен, и так называемые вечерние школы, в которых можно получить среднее образование, бесплатны и доступны для всех возрастов (Khokhlova et al. 2013; Zajda 2003), однако эти школы приобрели в годы либеральных реформ плохую репутацию (Zajda 2003).

Второй тип — неформальное профессиональное образование взрослых — обычно представляет собой более короткие и узконаправленные учебные курсы (European Commission 2006). Они включают в себя профессиональные и общекультурные курсы в «Народных университетах», институтах повышения квалификации, лекции общества «Знание», телевизионные лекции и разнообразные интенсивные курсы, а также корпоративное образование (Ministry of Education 2009; см. также Zajda 2003).

Тем не менее, ввиду слабых законодательной и нормативной баз (Попова 2008) и из-за высокого уровня коррупции в России существует большое количество различных сертифицированных и не сертифицированных образовательных учреждений (Горшков, Ключарев 2011; Veits

et al. 2011). Это создает низкий уровень прозрачности и высокую информационную асимметрию. Более того, доля государственных затрат на обучение и переобучение составляет менее 1 % всех госрасходов на образование и составляет только 0.03% ВВП (Образование в Российской Федерации 2010).

Роль сертификатов в России

В аспекте формального образования, в России чуть больше половины населения имеет образование третичного уровня*, что является одним из самых высоких в мире показателей по накопленному человеческому капиталу. В противоположность этому, государственные расходы на образование в России — одни из самых низких в мире, а денежная отдача на профессиональное и высшее образование в России меньше, чем в других странах (см., напр., обзор литературы в: Капелюшников 2008).

Ввиду того, что образование и после падения железного занавеса остается очень стандартизированным (Министерство образования 2012) и стратифицированным, сертификаты теоретически должны действовать как сильные сигналы для работодателей (Allmendinger 1989). Однако в России это, вероятно, не соответствует действительности. Процесс массовизации образования с 1995 по 2001 г. привел к тому, что наличие диплома (особенно о высшем образовании) является «социальной нормой» (Ларионова, Мешкова 2007). Более того, низкие государственные расходы на образование, по-видимому, привели к снижению его качества. В результате этих изменений сертификаты потеряли свою дифференцирующую функцию и стали более слабыми сигналами. Для работодателей теперь это скорее стандартный критерий, нежели критерий отбора (Красильникова, Бондаренко 2007а; 2007б).

Образовательная система в России все еще базируется на старых организационных формах и образовательных стандартах, которые, возможно, не подходят уже для современного рынка труда (Гимпельсон и др. 2010). Растущий частный сектор и платные услуги в профессиональном образовании ориентируются больше на спрос, чем на требования рынка труда (Ларионова, Мешкова 2007). Эти тенденции ведут к ослаблению связи между рынком труда и образовательной системой (Gerber 2003).

* Третичные степени в России, в особенности те, которые получены не в вузах (среднее специальное образование), не полностью сопоставимы со степенями в западных странах (Капелюшников 2008).

Поддержка уязвимых групп

Возможность получать образование на протяжении всей жизни также зависит от модели государственной системы социального обеспечения и модели национальной рыночной экономики. Эти институциональные условия в значительной степени определяют то, как между государством, рынком и гражданским обществом распределяются зоны ответственности по организации образования взрослых, что, в свою очередь, влияет на то, кто именно участвует в образовании взрослых и насколько образование взрослых потом оправдывает себя (см. обсуждение в: Kilpi-Jakonen et al. 2014; а также статью «Образование взрослых...» в этом выпуске).

Важной особенностью российского рынка труда является его волатильность, что ведет к высокому уровню оборота рабочей силы, высокому уровню найма и увольнений (Гимпельсон и др. 2010; OECD 2011). Кроме того, российский рынок труда характеризует низкий и стабильный уровень безработицы, на которую почти не влияют экономические флуктуации. Фирмы адаптируются к экономической ситуации не путем увольнений, а путем снижения реальных зарплат, задержки зарплат, неоплачиваемых отпусков или снижения количества рабочих часов (Gimpelson, Kapeliushnikov 2013; OECD 2011). Таким образом, работники в России имеют меньше шансов быть исключенными с рынка труда на постоянной основе, но больше риск неполной занятости. Эта особенность может оказывать влияние на уровень участия в образовании взрослых социально уязвимых групп в России.

Государство поддерживает образование взрослых с помощью государственного вмешательства в виде Трудового кодекса (2012) и Налогового Кодекса (2012), которые оба нацелены на то, чтобы мотивировать работодателей делать инвестиции в образование своих работников (например, вычитая эти расходы из налогооблагаемой базы). Однако жесткие требования к обучению персонала (Налоговый кодекс 2012; Гимпельсон и др. 2010; OECD 2011) могут ограничивать стимулы для предприятий инвестировать в неформальное образование взрослых, не поддерживаемое государством.

Несколько исследований (см., напр., Davidova, Manning 2009; Fenger 2007) описывают систему социального обеспечения в России как систему с низкой социальной защитой, низким уровнем расходов на меры государственной политики в сфере занятости, высоким уровнем бедности, широким диапазоном распределения доходов и высоким уровнем

неравенства доходов. В целом система социальной поддержки в России напоминает системы более либеральных стран, в которых уязвимым группам предоставляется только минимальная поддержка. Это сходство также видно в роли государства в поддержке образования взрослых среди уязвимых групп, что обычно рассматривается как часть мер активной политики на рынке труда, направленных на неработающих, занятых неполную рабочую неделю или работающих не по специальности. В России активная политика на рынке труда в основном связана с трансфертными платежами, что может снижать стимулы участвовать в образовании взрослых для некоторых групп (DiPrete, Mcmanus 2000). Программы поддержки на рынке труда имеют очень ограниченный бюджет, и система персональной поддержки для тех, кто ищет работу, плохо развита и неэффективна (OECD 2011).

Связь институциональных условий и образования взрослых

Уровень участия и способы получения образования взрослыми в России

Краткий вывод из предыдущей части указывает на то, что исходное образование в России необходимо, но не достаточно для гарантированного успеха на рынке труда. Поскольку больше половины населения в России имеет третичное образование (высшее и среднее специальное), дифференцирующая сила сертификатов низка, и, вероятно, повышает важность профессионального обучения и обучения навыкам непосредственно на рабочем месте (Blossfeld, Stockmann 1999). Более того, для работодателей и работников неформальное обучение является более простым способом адаптации к новым требованиям рынка труда, т. к. оно более специализированно, меньше по длительности и связано с меньшими альтернативными издержками. Однако отсутствие государственной поддержки может снижать уровень участия в неформальном обучении, проводимом без поддержки работодателя. *В итоге, мы предполагаем, что участие в неформальном обучении за счет работодателя является наиболее распространенным типом образования взрослых («Гипотеза об участии»).*

Низкий уровень государственной поддержки ведет к дальнейшим финансовым барьерам для участия в неформальном образовании взрослых, не финансируемом или организованном работодателем, особенно для безработных и находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда, вне зависимости от их компетенций и навыков. В свою очередь,

с учетом обсуждаемой выше важности профессионального обучения в России и стимулирующей политики в сфере занятости, ожидается более высокий уровень участия в неформальном обучении за счет работодателя среди работающих. К тому же работодатели склонны инвестировать в образование высококвалифицированных индивидов, т. к. их обучение будет, скорее всего, требовать меньше времени и расходов и будет вести к большей производительности труда по его завершении (см. также Kilpi-Jakonen et al. 2014; Becker 1962; Elman, O'Rand 2004). Это приводит к так называемому эффекту Матфея, при котором у индивидов с большими образовательными достижениями больше шансов и дальше получать образование (Elman, O'Rand 2004). Следовательно, и согласно гипотезам, описанным в первой части исследования eduLIFE (Kilpi-Jakonen et al. 2014; статья «Образование взрослых...» в этом выпуске), мы предполагаем, что более благополучные индивиды (как с точки зрения позиции на рынке труда, так и образовательных достижений) имеют более высокую вероятность участия в неформальном образовании взрослых («Гипотеза эффекта Матфея»).

В связи с массовизацией образования наличие сертификата, в особенности на уровне третичного образования (среднее специальное или высшее), стало «социальной нормой» и рассматривается работодателями как необходимое условие (Ларионова, Мешкова 2007). Таким образом, индивиды, имеющие исходное образование более низкого уровня, возможно, испытывают давление к повышению его уровня до третичного, что приводит к «догоняющему» эффекту. Более того, участие в любом типе образования взрослых обычно является позитивным сигналом для работодателей (Li et al. 2000). Таким образом, получение формального образования нетретичного уровня также может представлять собой вариант улучшения шансов на рынке труда для тех, кто не имеет третичного образования. С другой стороны, в связи с отсутствием государственной поддержки в России и необходимостью оплачивать формальное образование взрослых на третичном уровне, этот вариант образования может быть более доступен для работающих индивидов, имеющих финансовые ресурсы (доход) для возвращения в формальное образование на третичном уровне. В свою очередь, доступ к формальному образованию взрослых на нетретичном уровне бесплатен и поэтому с большой вероятностью будет использован индивидами, находящимися на неблагоприятных позициях на рынке труда и безработными. Таким образом, мы предполагаем, что индивиды с нетретичным уровнем образования и находящиеся в неблагоприятной позиции на рынке труда будут полу-

чать формальное образование на нетретичном уровне («Гипотеза частичного выравнивания 1»; Kilpi-Jakonen et al. 2014; статья «Образование взрослых...» в этом выпуске), в то время как индивиды с нетретичным уровнем образования и имеющие работу будут получать образование взрослых на третичном уровне («Гипотеза частичного выравнивания 2»).

Женщины больше участвуют в образовании взрослых без поддержки работодателя, чтобы компенсировать перерывы в занятости (Dieckhoff, Steiber, 2011). Работодатели, в свою очередь, склонны меньше инвестировать в обучение женщин в связи выполнением женщинами домашних обязанностей и прерывающейся занятостью, что делает отдачу от обучения в меньшей степени гарантированной (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014). Однако ожидаемая продолжительность жизни у женщин в России значительно больше, чем у мужчин (74 и 62 соответственно, см. OECD 2011), и, следовательно, у них длиннее горизонт для отдачи от образования взрослых*, что может увеличивать стимулы для женщин и их работодателей инвестировать в обучение. Таким образом, мы предполагаем, что женщины имеют больше шансов участвовать во всех типах образования взрослых («Гипотеза об участии с точки зрения пола»).

Отдача от образования взрослых в России

В целом, мы предполагаем, что формальное образование взрослых положительно влияет на результаты на рынке труда (см. также Kilpi-Jakonen et al. 2014; статья «Образование взрослых...» в этом выпуске). Хотя в России наличие диплома является стандартным требованием для работодателей, в нескоординированной рыночной экономике успех на рынке труда во многом определяется индивидуальными ресурсами, такими как достижения и история работы (DiPrete et al. 1997). Официальный диплом, полученный во взрослом возрасте, может быть использован как сигнал для работодателей о высокой мотивации и производительности (Spence 1973), таким образом, увеличивая шансы индивида на рынке труда. При этом нетретичное образование приносит меньше положительных результатов на рынке труда, во-первых, из-за доминирования третичного образования, что снижает сигнальный эффект нетретичного образования для работодателей (см. 'квалификационная инфляция',

* Хотя определенный законодательством пенсионный возраст низкий, пенсии не зависят от зарплаты и занимаемой позиции. Ввиду низкого уровня государственных пенсий, пенсионеры часто вынуждены продолжать работать (Kolev, Pascal 2002).

Collins 1979), и, во вторых, из-за плохой репутации вечерних школ и профессионально-технических училищ, предлагающих этот тип образования взрослых. В результате, мы предполагаем, что *формальное образование взрослых ведет к положительным результатам на рынке труда при сравнении с неучастием; при сравнении третичного и нетретичного формального образования мы ожидаем большую отдачу от первого («Гипотеза о улучшенных результатах на рынке труда»).*

Мы предполагаем также, что неформальное образование взрослых ведет к положительным результатам на рынке труда. Работодатели с большей вероятностью будут инвестировать в тех работников, от которых они ожидают большего роста производительности после обучения (см. Kilpi-Jakonen et al. 2014; статья «Образование взрослых...» в этом выпуске). В результате отдача на неформальное образование взрослых может быть связана не с самим обучением, а скорее с характеристиками участников. Более того, работодатели склонны инвестировать в обучение работников сразу после найма или повышения. Эта тенденция может исказить выводы о причинной зависимости между неформальным обучением и результатами на рынке труда. Мы предполагаем, таким образом, что *неформальное образование взрослых ведет к положительной отдаче на образование, однако с осторожностью говорим о причинах («Гипотеза о неопределяемых причинах положительных результатов на рынке труда»).*

Учитывая то, что женщины в России в основном более образованны и отдача на образовательные достижения для них выше (Капелюшников 2011), мы предполагаем что *эффект от образования взрослых будет больше для женщин, чем для мужчин («Гипотеза о результатах в зависимости от пола»).*

Схема исследования

Это исследование использует данные национального репрезентативного исследования домохозяйств России (Российский мониторинг экономического положения и здоровья (РМЭЗ) ВШЭ) в 2000–2011 гг. Данные РМЭЗ-ВШЭ содержат детализированную информацию об образовании респондентов, включая разные формы обучения взрослых (см. определение в: Kosyakova 2014; Kosyakova et al. 2016). Выборка ограничена «взрослыми», т. е. теми, кто имеет шанс принять участие в образовании взрослых (см. определение в: Kosyakova 2014; Kosyakova et al. 2016). Мы применяем продвинутые техники панельного анализа и анализа последовательности событий (event-history analysis).

Данные РМЭЗ-ВШЭ позволяют различать получение разных типов образования, таких как: 1) формальное образование взрослых на третичном уровне; 2) формальное образование взрослых на нетретичном уровне; 3) неформальное образование взрослых за счет работодателя (с поддержкой работодателя); 4) неформальное образование взрослых без поддержки работодателя. Отдача на образование рассматривается с помощью: 1) заработной платы; 2) престижности работы (с использованием Standard International Occupational Prestige Scale, SIOP, см. Treiman 1977); 3) восходящей и нисходящей социально-профессиональной мобильности (с использованием схемы классов ESeC, см. Bessudnov 2011); 4) выхода из рискованных позиций на рынке труда, определяемых как безработица или работа с рискованными характеристиками, неполный рабочий день, непостоянная работа, без подписанного контракта, небезопасная работа, работающий бедный или самозанятость без подчиненных. Более детальное описание данных, выборки, переменных и анализа см. в: (Kosyakova 2014; Kosyakova et al. 2016)).

Обсуждение основных результатов

Уровень участия и способы получения образования взрослыми

Структура участия в образовании взрослых в течение последних 12 месяцев в разрезе по возрасту и полу представлена на рис. 1. Как и предсказывала «Гипотеза об участии», неформальное обучение за счет работодателя является самым распространенным типом образования

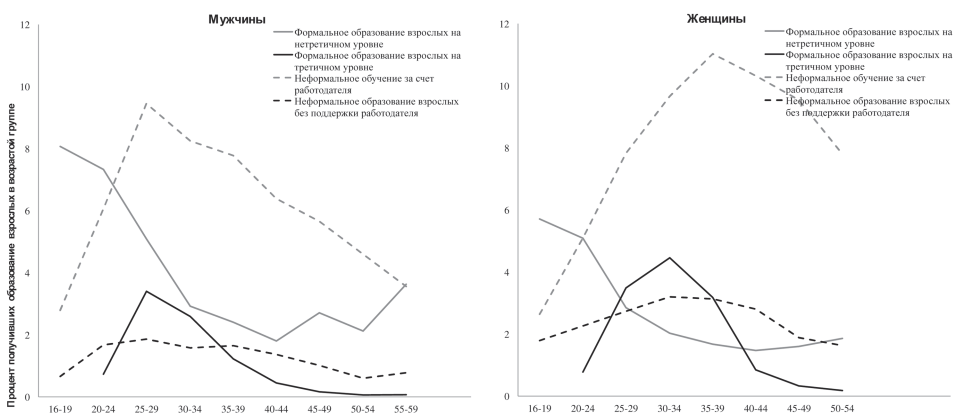

Рис. 1. Доля участников образования взрослых в определенном возрасте, по типу образования взрослых, в %, 2000–2011 гг.

Примечание: РМЭЗ-ВШЭ (2000–2011); Источник: (Kosyakova 2014).

взрослых, возможно, ввиду снизившейся сигнальной силы первоначального образования и потенциала неформального образования взрослых адаптировать рабочую силу к новым требованиям рынка труда быстро и с низким альтернативными издержками по сравнению с формальным образованием взрослых.

Взрослые женщины участвуют в любом типе образования взрослых больше, чем мужчины (за исключением нетретичного формального образования взрослых), что соответствует нашей *«Гипотезе об участии с точки зрения пола»* и объясняет преимущество женщин большей необходимостью прерывать занятость. Более того, кривые для женщин наклонены направо по возрасту, и этот сдвиг, в свою очередь, подтверждает наше предположение о более длинном временном горизонте для отдачи на образование взрослых в связи с большей продолжительностью жизни.

Мы обнаружили, что участники неформального образования взрослых за счет работодателя имеют более высокий исходный уровень образования, так же, как и лучшие позиции на рынке труда. Это согласуется с *«гипотезой об эффекте Матфея»*, в соответствии с которой работодатели склонны вкладывать больше в индивидов с более высоким уровнем навыков, т. к. они демонстрируют более высокую продуктивность после обучения (Becker 1962). Хорошо образованные индивиды также склонны больше участвовать в неформальном образовании не за счет работодателя, здесь не обнаружено значимой разницы между работающими и безработными. Это наблюдение означает, что безработные могут использовать этот тип образования для увеличения своих шансов найти работу.

В свою очередь, обычно именно те, кто имеет исходное образование нетретичного уровня, более склонны участвовать в формальном образовании взрослых, как на третичном, так и на нетретичном уровне. Более того, занятые индивиды имеют больше всех шансов получить формальное третичное образование взрослых, за ними идут неактивные на рынке труда, а безработные имеют меньше всех шансов. Это находится в соответствии с *«Гипотезой частичного выравнивания 2»*, согласно которой третичное формальное образование взрослых может быть доступно в основном для работающих индивидов ввиду высоких финансовых барьеров. В свою очередь, эти финансовые барьеры толкают тех, кто имеет более низкий социально-экономический статус или находится на рискованных рыночных позициях, участвовать в формальном образовании взрослых нетретичного уровня (таким образом, поддерживается *«Гипотеза частичного выравнивания 1»*).

Отдача от образования взрослых в России

Примечательно, что формальное образование взрослых на третичном уровне повышает заработную плату (приблизительно на 6 процентов), тогда как от нетретичного образования взрослых мы не обнаружили никакой экономической отдачи. Наоборот, был обнаружен негативный эффект для тех, кто был безработным и получал образование взрослых. Отдача на формальное образование взрослых в терминах престижности работы аналогична: тогда как третичное образование оправдывает себя, нетретичное оказывает негативное влияние на престиж и ведет работника вниз по ступеням профессиональной иерархии. Следовательно, наши выводы подтверждают «*Гипотезу улучшенных результатов на рынке труда*» только для формального образования на третичном уровне. В свою очередь, формальное образование взрослых на нетретичном уровне производит противоположенный эффект. Это может объясняться тем, что нетретичное образование становится излишним в обществе, где большая часть населения имеет третичное образование, и / или плохой репутацией вечерних школ. Еще одна причина может быть в слабой связи между требованиями рынка труда и содержанием обучения в этих школах. Наконец, это может быть (хотя бы частично) результатом негативного отбора в участии в нетретичном образовании взрослых.

Дальнейшие результаты говорят о том, что получение неформального образования взрослых за счет работодателя является хорошей стратегией для продвижения карьеры, помогает покинуть ненадежные позиции на рынке труда и снизить риск движения вниз по карьерной лестнице. Обучение за счет работодателя, таким образом, является эффективным способом улучшить положение на рынке труда, что поддерживает «*Гипотезу о неопределяемых причинах положительных результатов на рынке труда*». В отличие от обучения за счет работодателя, неформальное обучение без поддержки работодателя не приносит значительных результатов на рынке труда.

Наконец, если формальное образование взрослых оказывается более эффективным для женщин (поддерживая тем самым «*Гипотезу результатов с точки зрения пола*»), то обучение взрослых за счет работодателя положительно влияет на показатели на рынке труда для обоих полов.

Образование взрослых и социальное неравенство в России

В заключение, рассматривая одновременно результаты по участию в образовании взрослых и по отдаче от образования взрослых на рынке

труда, мы хотим ответить на вопрос, может ли образование взрослых в России компенсировать исходное социальное неравенство и таким образом способствовать установлению социального и экономического равенства на протяжении всего жизненного пути индивида.

Что касается формального образования взрослых на третичном уровне, можно утверждать, что этот тип увеличивает как заработную плату, так и профессиональный престиж. Поскольку индивиды с исходным нетретичным образованием имеют больше шансов участвовать в нем, формальное образование взрослых на третичном уровне обладает потенциалом для уменьшения уровня исходного образовательного неравенства. Однако из-за того, что финансовые ресурсы незанятых индивидов ограничены, мы видим, что в этом затратном виде образования взрослых больше склонны участвовать занятые индивиды, что указывает на тенденцию интенсификации неравенства в России.

Что касается образования взрослых на нетретичном уровне, в нем скорее будут участвовать индивиды с нетретичным уровнем образования, использующие этот тип образования взрослых как «сигнал» для потенциальных работодателей о своей мотивации, в условиях, когда отсутствие доступных ресурсов позволяет сделать это только через нетретичное образование взрослых. Мы обнаружили, что этот тип образования взрослых преобладает среди неработающих индивидов (неактивных на рынке труда в особенности). Таким образом, эти обучающиеся представляют собой «вдвойне уязвимую группу». Но поскольку этот тип образования взрослых не оправдывает себя ни с точки зрения заработка, ни с точки зрения улучшения профессионального престижа, это в целом указывает на отсутствие потенциала у нетретичного образования взрослых для выравнивания социального неравенства в России.

Что же касается неформального образования взрослых, то участие в обучении за счет работодателя оправдывает себя на рынке труда. Однако в этом типе обучения с большей вероятностью будут принимать участие высокообразованные индивиды и находящиеся на лучших позициях на рынке труда, что говорит о потенциале этого типа образования взрослых увеличивать социальный разрыв между привилегированными и уязвимыми группами. Если неформальное обучение не за счет работодателя также преобладает среди высокообразованных индивидов, позиция на рынке труда здесь не играет важной роли, указывая на некоторый компенсирующий эффект. Однако если учесть отсутствие значительных выгод от этого типа обучения на рынке труда, мы должны заключить, что оно не снижает социальное неравенство.

Заключение

В сравнении с другими развитыми странами в России образование взрослых могло бы играть даже большую роль благодаря двум особенностям. Во-первых, благодаря доминированию третичного образования, те, кто не получил третичное образование до выхода на рынок труда, могут испытывать давление к повышению уровня своих дипломов или, если это невозможно, как минимум их обновлению, чтобы продемонстрировать свою мотивацию. Во-вторых, в условиях, когда содержание образования относительно слабо связано с постоянно меняющимся рынком труда, более короткое и целенаправленное неформальное образование взрослых является важным способом быстрого обновления знаний и навыков рабочей силы (Kristensson Ugglа 2008). Учитывая это, можно заключить, что образование взрослых могло бы быть важным механизмом компенсации первичного неравенства образовательных достижений и позиций на рынке труда и могло бы внести вклад в увеличение социального и экономического равенства в России на протяжении жизненного пути индивида.

Однако мы должны констатировать, что образование взрослых с текущей структурой участия и отдачи не вносит вклада в уменьшение социального неравенства, но скорее ведет к его росту. Использование различных типов образования взрослых стратифицировано по уровню исходного образования и позициям на рынке труда, и в основном те, кто уже находится в благоприятном положении, участвуют в тех типах образования взрослых, которые имеют наибольшую отдачу на рынке труда.

Говоря более конкретно, мы обнаружили положительную отдачу на формальное образование на третичном уровне и на неформальное образование за счет работодателя. Однако именно эти типы образования взрослых используются больше всего привилегированными (с точки зрения первичного образования и положения на рынке труда) индивидами, что, по сути, лишает уязвимые группы положительных результатов образования и обучения на протяжении жизни. В свою очередь, участие находящихся в неблагоприятном положении индивидов выше именно в тех типах образования взрослых, которые не дают положительной отдачи (формальное образование взрослых на нетретичном уровне и неформальное обучение не за счет работодателя).

Таким образом, если задачей социальной политики является уменьшение социального неравенства, ее меры должны быть направлены в большей степени на поддержку участия непривилегированных инди-

видов в тех типах обучения, которые повышают шансы на успех на рынке труда. Мы можем предложить как минимум два типа государственного вмешательства. Во-первых, государству стоит облегчить финансовое бремя участия в формальном третичном образовании взрослых, чтобы повысить его доступность для индивидов, находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда. Во вторых, государство могло бы стимулировать предприятия обучать работников, имеющих более низкий уровень образования или менее стабильную позицию, что могло бы сделать выгодным для предприятий обучение этой категории работников.

Перевод с английского В. М. Малик

Литература

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С., Рыжикова З. А., Биляк Т. А. *Выбор профессии: чему учились и где пригодились? Проблемы рынка труда*. WP3. Высшая школа экономики, 2010. № 03.

Горшков М.К., Ключарев Г.А. *Непрерывное образование в контексте модернизации*. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011.

Капелюшников Р.И. *Записка об отечественном человеческом капитале*: Препринт WP3/2008/01. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Капелюшников Р.И. *Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее?: препринт WP3/2011/09*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011.

Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В. *Спрос на рабочую силу — мнение работодателей. Информационный бюллетень*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007а.

Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В. *Рынок труда и профессиональное образование — каков механизм сотрудничества? Информационный бюллетень*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007б.

Ларионова М. В., Мешкова Т. А. (ред.). *Аналитический доклад по высшему образованию в Российской Федерации*. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Министерство образования. Сайт Национального информационного центра по академическому признанию и мобильности. [<http://www.russianenic.ru/english/rus/index.html>]. Проверено 1 апреля 2012.

Налоговый кодекс. (2012). Глава 25; Статьи 252, 264 и т.д. [http://www.rnk.ru/journal/archives/2003/19/nalogi_i_sbory/nalogovyy_i_bukhgalterskiy_uchet/102556.phtml]. Проверено 12 апреля 2012.

Образование в Российской Федерации: Статистический Сборник. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

Попова И.П. *Дополнительное профессиональное образование в стратегиях работающих специалистов (1995–2005) // Социологические исследования*, 2008, 3: 79–91.

Трудовой Кодекс. Глава 31, 32; Статьи 196-197, 198-208. [<http://www.trkodeks.ru/glava/tk-glava-31/>]. Проверено 12 апреля 2012.

Allmendinger J. (1989) Educational systems and labor market outcomes. *European Sociological Review*, 5(3): 231–250.

Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, 70(5): 9–49.

Bessudnov A. (2011) Social Class, Employment Contracts and Economic Security in the Russian Labour Market. *Labour. EUI Working Paper MWP*, 13.

Blossfeld H.-P., Stockmann R. (1999) Guest Editor's Introduction. The German Dual System in Corporative Perspective. *International Journal of Sociology*, 28(4): 3–28.

Brainerd E. (1998) Winners and losers in Russia's economic transition. *American Economic Review*, 88(5): 1094–1116.

Buchholz S., Hofäcker D., Mills M., Blossfeld H.-P., Kurz K., Hofmeister H. (2009) Life Courses in the Globalization Process: The Development of Social Inequalities in Modern Societies. *European Sociological Review*, 25(1): 53–71.

Collins R. (1979) *The Credential Society*. New York: Academic.

Davidova N., Manning N. (2009) Russia: State Socialism to Marketized Welfare, in: P. Alcock and G. Craig (eds.). *International Social Policy: Welfare Regimes in the Developed World*, 2nd ed. Palgrave Macmillan: 190–209.

Dieckhoff M., Steiber N. (2011) A Re-Assessment of Common Theoretical Approaches to Explain Gender Differences in Continuing Training Participation. *British Journal of Industrial Relations*, 49(S1): 135–157.

DiPrete T.A., De Graaf P.M., Luijckx R., Tahlin M., Blossfeld H.-P. (1997) Collectivist versus Individualist Mobility Regimes? Structural Change and Job Mobility in Four Countries. *American Journal of Sociology*, 103(2): 318–358.

DiPrete T.A., Mcmanus P.A. (2000) Family Change, Employment Transitions, and the Welfare State: A Comparison of Household Income Dynamics in the US and Germany. *American Sociological Review*, 65: 343–370.

Elman C., O'Rand A.M. (2002) Perceived Job Insecurity and Entry into Work-Related Education and Training among Adult Workers. *Social Science Research*, 31(1): 49–76.

Elman C., O'Rand A.M. (2004) The Race is to the Swift: Socioeconomic Origins, Adult Education, and Wage Attainment. *American Journal of Sociology*, 110(1): 123–160.

European Commission. *Classification of Learning Activities — Manual*. (2006) Luxembourg: European Commission.

Fenger H.J.M. (2007) Welfare regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating post-communist countries in a welfare regime typology. *Contemporary Issues and Ideas in Social Sciences*, 3(2).

Gerber T.P. (2003) Loosening Links? School-to-Work Transitions and Institutional Change in Russia since 1970. *Social Forces*, 82(1): 241–276.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2013) Labor Market Adjustment: Is Russia Different? in: M. Alexeev, S. Weber (eds.). *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. Oxford: Oxford University Press.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukiyanova A. (2010) Employment Protection Legislation in Russia: Regional Enforcement and Labor Market Outcomes. *Comparative Economic Studies*, 52(4): 611–636.

Khokhlova A., Kozlovskiy V., Veits M. (2013) Formal adult education in the context of the transforming labour market in Russia, in: E. Saar, O. B. Ure, J. Holford (eds.). *Lifelong Learning in Europe; National Patterns and Challenges*. Cheltenham, UK/Northampton, MA, USA: Edward Elgar: 327–349.

Kilpi-Jakonen E., Buchholz S., Dämmrich J., McMullin P., Blossfeld H.-P. (2014) Adult Learning, Labor Market Outcomes, and Social Inequalities in Modern Societies. In: Blossfeld H.-P., Kilpi-Jakonen E., Vono De Vilhena D., Buchholz S. (eds.). *Adult Learning in Modern Societies. An International Comparison from a Life-Course Perspective*. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar.

Kolev A., Pascal A. (2002) What keeps pensioners at work in Russia? Evidence from Household Panel Data. *Economics of Transition*, 10(1): 29–53.

Kosyakova Y. (2014) Adult Learning in the Russian Federation: More Educational Opportunities without an Equalization Effect, in: Blossfeld H.-P., Kilpi-Jakonen E., Vono De Vilhena D., Buchholz S. (eds.). *Adult Learning in Modern Societies. An International Comparison from a Life-Course Perspective*. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar.

Kosyakova Y., Dämmrich J., Blossfeld H.-P. (2016) Participation in formal adult education and changes in patterns of equity over the life course in contemporary Russia, in: *World Studies in Education*, 17(1): 5–26.

Kristensson Ugglå B.K. (2008) Who is the Lifelong Learner? Globalization, Lifelong Learning and Hermeneutics. *Studies in Philosophy and Education*, 27: 211–226.

Li J.H., König M., Buchmann M., Sacchi S. (2000) The Influence of Further Education on Occupational Mobility in Switzerland. *European Sociological Review*, 16(1): 43–65.

Ministry of Education. *The Development and Present State of Adult Education in Russia: National report of the Russian Federation*. (2009) CONFINTEA VI. Belém, Brazil, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

OECD (2011) *Reviews of Labour Market and Social Policies: Russian Federation*. OECD Publishing.

Sabirianova K.Z. (2002) The Great Human Capital Reallocation: An Empirical Analysis of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 30(1): 191–217.

Spence M. (1973) Job Market Signaling. *The Quarterly Journal of Economics*, 87(3): 355–374.

Treiman D.J. (1977) *Occupational Prestige in Comparative Perspective*. New York: Academic Press.

Veits M., Khokhlova A., Kozlovskiy V. (2011) *Participation of Adults in Lifelong Learning in Russia: Possibilities and Barriers*. Tallinn.

Zajda J. (2003) Lifelong Learning and Adult education: Russia meets the West. *International Review of Education*, 49(1-2): 111–132.